

ОТНОШЕНИЯ И

АННА ГРИШИНА ВАРВАРА КОНОВАЛОВА ЕЛЕНА МЕДВЕДЕВА
ТАТЬЯНА БАШЛАКОВА МИТЯ КОКОРИН
ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕНКО ВЛАДА ТЕРЕЩУК АННА ФЕДОРОВА
КАТЕРИНА ДУДКИНА ГРИГОРИЙ ЧЕРНОМОРДИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КУРС ПРОЗЫ ГЛАГОЛ
СБОРНИК РАССКАЗОВ 2020

18+

Григорий Черномордик
Анна Гришина
Влада Терещук
Митя Кокорин
Елена Медведева
Катерина Дудкина
Екатерина Николаенко
Татьяна Башлакова
Варвара Коновалова
Анна Федорова

Отношения и расстояния

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58157728

SelfPub; 2020

Аннотация

Перед вами сборник рассказов, написанных выпускниками курса прозы «Глагол». Внутри него размышления о том, как сильно мы чувствуем одиночество, теряя близких, не понимая друг друга, оказываясь далеко от важных людей – будь то на другой планете или у себя дома. Виртуальная бабушка и соло-путешествие по Лиссабону, красная помада на поминках и

откровенный разговор с родителями – десять текстов и десять попыток разрешить этот конфликт, чтобы стать счастливее. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Елена Медведева. Babulya	5
Анна Федорова. Грешники	11
Григорий Черномордик. Мой Лиссабон	19
Татьяна Башлакова. Потом считаешь, малыш	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Елена Медведева. Babulya

Сидит вся такая хорошенькая в своём синем платье. Волосы – совершенно седые – с модной асимметричной челкой. Глаза лучатся. Смотрел бы и смотрел. Только запаха сдобы не хватает, наверное, ну да это легко доработать. Приглаживает рукой скатерть на столе, говорит:

– Будешь что-нибудь, дорогой? Я тебя не ждала, но вот сырников вчера напекла. Будешь сырник?

– Нет, – говорю, – сырников не хочется. Как здоровье, бабуль?

– Так, потихоньку. Живы будем – не помрем.

Молчит и смотрит на меня. Кухню добил, получилась один в один как в детстве. Аж к горлу подступает. Жду, чтобы сама сказала что-нибудь, должна сейчас рассказать какую-нибудь актуальную локальную новость.

– А вот, – говорит, – соседка меня на днях затопила. Прокладывали у них там скоростную трассу до Нижнего, магистраль прорвало, такой потоп начался! Три дня вычерпывали. Теперь все собираются на протесты, так я тоже пойду, чем я хуже.

– Нет, – говорю, – стоп. Ошибка контекстов и связей в новостях по темам: «скоростная трасса до Нижнего Новгорода», «прорыв магистрали в Чертаново», «протесты в столице». Запустить заново сбор новостей и обучение...

Комната моргнула. Видимо, все в районе опять остались по домам работать или учиться онлайн, и от этого скачет канал. Ну и точно: вылез старый глюк – за окном кухни сидит кот размером с ЦТП. Я выругался и вышел из VR-шкафа.

Конечно, всё это требует доработок, но основной этап пройден. Осталось только дообучить нейронку, чтобы не выдавала перлы в духе хрестоматийной «Илоны Маск»...

По правде сказать, обучение на новостях, блогах и сериалах превратили её в странную смесь Алисы и бабки из рекламы сметаны. А мне нужен гораздо более персонализированный VR-образ.

Следовательно, подумалось мне, надо наконец съездить к бабуле настоящей и договориться с домом престарелых, чтобы её поставили на запись. Может, тренажёр для нейронки и небогат: бабуля рассказывает кругами одно и то же каждый день – зато интонирование человеческое, а не машинное. Лет через сорок, думаю, с удовольствием переслушаю её рассказы в её же исполнении на её же кухне. И новости обсудим. Так что да, поехали.

Конечно, бабуля равно детство. Когда я родился, ей уже было под 70, но ничего! Мы с ней лучше всех играли и ездили везде, и в школе она меня понимала гораздо лучше родителей. Я им так однажды и сказал: я бабушкин сын. Родители потом месяц со мной не общались и все гаджеты заблокили, ха-ха.

Потом бабулю накрыло альтигеймером, деменцией... При-

шлось отправить её в дом престарелых, а то она и воду забывала закрыть, и над телефоном плакала, что заблокила и не может разблокировать, а однажды приготовила килограмм пять макарон. Приготовит, забудет, потом читает в своих записях: «сварить макароны». Я работаю в основном из дома, но ведь работать это работать, а приглядывать, куда пошла бабуля, и доказывать, что ей уже не надо в школу (была и такая фаза), – это совсем другое. Сёстры говорят, надо хитрить, а не переубеждать, иначе человек только зря разволнуется, а попробуешь удерживать, то может ещё и начать буянить. Моя-то сейчас спокойная совсем стала: в неё впихивают какие-то очередные новые таблетки.

В целом поэтому я и начал этот проект. Бабуля как бы есть, но по факту ведь её нет. А нужно, чтобы бабули были. Кому мы нужны, кроме них?

Подъехали к ДП. Тут недалеко, в общем-то. Когда-то это был пансионат для ветеранов Великой Отечественной. Бабуля у меня тоже ветеран – инфовойны. Поэтому с папой у неё натянутые отношения.

Забегаю. Тут как обычно: если бы не легкий запах хлорки, можно было бы подумать, что это симпатичная гостиница-апартаменты где-нибудь под Чеховым. Николай – бабушкин врач – просит зайти чуть позже, он явно мается на каком-то симпозиуме, но отключиться не может. Иду пока на другой этаж к бабуле.

В этот ДП стариков перевозят вместе со всей домашней

обстановкой, чтобы им было поспокойнее. Когда я захожу, оказывается, что бабуля сидит на кухне на том же месте, что и утренний образ. Это настолько нелепо, что вместо приветствия я начинаю громко смеяться.

– Константин! – говорит бабуля.

– Да, это я, – отвечаю. – Как дела, бабуленька?

Молчит, повернулась к окну. Вид у нее какой-то другой, не пойму, в чём дело. Худая она и раньше была. Теперь же сидит... ну такая... переломленная жердь.

– Ты меня узнала сегодня, – говорю.

– Утром смотрела, как вы все теперь выглядите, заодно и квартиру свою старую смотрела, что там теперь. Что за саркофаг ты вклячил в мою комнату?

– Это для работы. Мы его зовём VR-шкафом. Самочувствие-то как?

– Не жалуюсь.

– Отлично! До ста лет доживёшь!

– Да уж. Добрый доктор Николай не даст помереть.

Сидим. Молчим.

– Слушай, давай я расскажу, как у меня дела? Мы криэйтим проекты для шкафов...

Кивает:

– Представляю, мы тоже такие делали для хедсетов. Ещё для той изоляции, чтобы сидеть было приятней... Проекты я помню, так хорошо помню. Коллег своих помню, стажёров... А что было вчера – нет. Где я? Это такая прокачанная

виртуальность? Пыталась пойти погулять: квартира моя, а на улице чёрт-те что, и всё за мной какая-то девица неприятная бегаёт, а то и роботы понаедут и давай поддерживать беседу. Говорят: хотите, новости расскажем? До Нижнего Новгорода строят трассу, можно будет за час доехать. Какой Нижний – я и до забора не дошла! Открыла свои записи, а там каждый день одно и то же. Про то, как я полдня сижу на кухне, а потом пытаюсь дойти до забора.

Смотрит на меня зло, добавляет: «А сегодня, значит, разнообразие. Вдруг приходит бородатый и пузатый Константин и говорит: доживёшь до ста лет!»

Теперь она плачет. Выхожу. Иду к врачу Николаю. Пусть даёт ей антидепрессанты, что ли. Зачем это надо, если можно без этого.

Николай говорит: «Антидепрессанты будем давать позже, когда привыкнет к этому лечебному профилю». Говорит: «Будет лучше, если её будут чаще навещать, хотя бы в первое время. Новый профиль её стабилизировал когнитивно, вот уровень саморефлексии и поднялся». Говорит: «Это очень хороший результат для такой стадии деменции».

– Нет! – говорю. – Это плохой результат. Раньше она была явно счастливее, пока не начала осознавать всё это, весь этот ваш ДП!

– Вы, – говорит Николай, – навещайте почаще, и всё наладится!

– Мне – говорю, – разорваться, что ли?!

Свалил из ДП. Был так зол, что забыл обсудить запись для образа. Уронил сигареты под такси, хорошо хотя бы эта машина приехала без водителя. Бесит. Они теперь каждый месяц будут профили лечения менять, а я под них подстраивайся?

Но, конечно, есть тут кое-что. Вижу теперь просчёт. Нейронка уже очень близка, но всё же недостаточно хороша. Слишком сметанна, даже если истории записать. Для полной достоверности должны быть и неприятные, неожиданные эпизоды. Чтобы хоп! – и экзистенциализмом, как из ведра, вот как сейчас.

Ведь главное что? Главное, чтобы тебя помнили, не забывали. А ты – это не только твои лучшие моменты, ты человек, и с тобой по-всякому бывает. И если тебе, ветерану инфовойны и архитектору изоляции, суждено жить в веках – даже если на китайских серверах, – то восставай оттуда не только с сырниками, но и с гневом, со слезами, с обидой. С упрёком. И тогда я скажу: «Да, это моя бабуля!»

Анна Федорова. Грешники

Если бы кто-то спросил у Ромки: «Ромка, выбирай, когда ты хочешь помереть?», он бы совершенно точно сказал: «Никогда!». В двадцать три года кажется, жизнь будет длиться вечно.

Тем не менее Господь решил, что хочет увидаться с Ромкой раньше, чем со среднестатистическим российским мужчиной. Об этом мы узнали на отпевании.

Бог говорил с нами устами батюшки с жиденкой седой бородкой. Батюшка купался во внимании скорбящих по Ромке людей и с каждым новым завыванием тети Светы, Ромкиной матери, вел себя жестче и увереннее. Казалось, будь у него микрофон, он бы повернулся спиной к заплаканной толпе и прыгнул на руки зрителям, чтобы качаться на волнах славы.

«Каждый, – затянул батюшка, – приходит в храм своим путем. И так как раб Божий Роман не смог дойти до храма ногами, Господь его туда привел насильно. И от этого нам всем сегодня должно быть радостно!». Это только в ситкоммах включают смех даже после неудачных шуток. На отпевании вместо заливистого хохота ставили только плач и всхлипы. Не знаю, какой хитрый план был у Господа на Ромку. Наверное, оставить его девушку матерью-одиночкой, чтобы неповадно было грешить без штампа в паспорте.

Я решила, что Ромкины похороны – это не повод отказываться от макияжа, и выбрала алую помаду. Это был мой ответ Ромкиной смерти. Я решила прийти на отпевание троюродного брата на собственных условиях, но помада продержалась на губах до первой бабки.

На каждых похоронах, при каждой церкви есть такая бабка, которой на ухо Иисус нашептал, как нужно жить. Эта бабка настаивает врасплох в самый неподходящий момент. Когда вы решите зевнуть в церкви, рядом обязательно появится бабка в косыночке и вразумит: «Из тебя бесы лезут!». А если вы зайдете в храм с мороза и засунете руки в карманы куртки, бабка подбежит, цапнет за локоть и прошипит: «Нечего свои тайные помыслы от Бога прятать! Вынь руки!». Или например, когда вы смотрите стеклянными от слез глазами сквозь покойника, бабка вылезет из толпы, одернет за руку и грозно скажет: «Утри срамоту! Не на блядки пришла!».

Вместе с «блядками» бабка протянула мне белый платок, которым следовало утереться. Я сказала «угу», засунула платок в карман и продолжила смотреть на повязку, которая закрывала дыру от автомобильной стойки на Ромкином лбу, оставшуюся после встречи с грузовиком. Я думала, что жизнь странная штука. Ты можешь видеть брата дважды за двадцать семь лет, а потом совершенно искренне плакать у него на похоронах.

– Галя, почему у тебя внучка такая грешница? Мало того, что стоит с непокрытой головой, так вся намалевалася! –

бабка подвела ко мне мою бабушку.

– Аня, – бабушка взялась за щеки и начала качать головой как болванчик, – и правда, губы-то какие, губы! Лена, поди сюда! – цепочка стыда добралась до моей мамы.

Мама подошла к нам и шепотом спросила, что случилось.

– Ленка, ну ты ей скажи, чтобы утерлась! Бабок-то не слушает! Старые мы, что нас слушать?! – забухтела бабка.

Мама нагнулась к уху и ровным голосом сказала: «Не связывайся, вытри. Скоро все закончится, и мы уйдем». На маминых словах прозвучал голос бабушки: «... и всех святых. Аминь».

На кладбище было холодно и ветрено. Снег налип на кресты и могильные памятники. Эта зима лишила меня единственного удовольствия, которое можно получить на кладбище, – читать даты смерти людей и разглядывать их фотографии. Чтобы не смотреть, как снежинки укладываются на Ромкины щеки, я уставилась на рябину и ворон.

Если бы вороны понимали, что клюют кладбищенские рябины, перестали ли бы они это делать? Наверяд ли, ведь вороны – это цыгане в мире птиц: какая разница откуда, главное, можно взять себе. Не то чтобы я не любила цыган, но после того как одна «гадалка» пришла домой к бабушке и сказала: «У вас здесь везде порча!», а потом вынесла в пяти сумках

всю еду, я к ним отношусь с недоверием.

– Что стоишь как вкопанная! Иди покойника целуй! – снова отвлекла от мыслей бабка.

Что значит «целовать покойника»? Я не каждого живого целую, а здесь вообще мертвый. Я осталась стоять и рассматривать рябины.

– Бог, он все видит! Брата целовать не хочешь! Срамота! Иди хоть горсть земли в могилу кинь! – бабка не унималась, а я опять сделала вид, что не слышу ее.

– Галя, ну ты видела? Твоя опять фифу из себя строит. То губища свои намалевала, теперь Ромку целовать не хочет! Сделай с ней что-нибудь!

– Что ты к девчонке привязалась-то? – с горечью ответила бабушка, утирая слезы, и махнула в мою сторону рукой.

– Тьфу на вас, ореховская порода! – бабка развернулась и как утка, переваливаясь с боку на бок, пошла в сторону автобуса, который должен был отвезти всех в столовую на поминки.

В бывшей заводской столовой ремонт не делали с какой-то годовщины Великой Октябрьской революции. На одной стене висела красная карта Советского Союза и портрет дедушки Ленина, на другой были нарисованные пухлые повара в белых колпаках. На мраморном полу копилась жижа

из растаявшего снега и песка, стоило в нее наступить, как она уныло хлюпала. Уборщица в столовой сначала вытирала жижу шваброй, а потом перестала с ней сражаться, потому что жижа возвращалась на пол снова и снова.

Батюшка тоже пришел на поминки. Его усадили прямо напротив Ленина. Перед тем как приземлиться на стул, батюшка перекрестился и качнул головой, как будто по старой памяти помолился божеству коммунизма. После того как батюшка расположился за столом, персонал столовой начал разносить еду, а мужчины – наливать водку.

Я возила ложкой по тарелке и вглядывалась в щи. Перед глазами снова появились снежинки, которые не тают на Ромкиных щеках, и как два здоровенных мужика с абсолютно равнодушным видом забивают гвозди в крышку гроба. Я моргала и пыталась переключить картинки, но они все равно появлялись.

– Ты чего кутью не ешь? – бабушка Галя вернула меня в реальность.

– Не хочу.

– Так положено, не упрямясь!

Ровно до этого момента и не собиралась упрячиться, но теперь точно буду. Вообще, после того как на твоих глазах закопали еще недавно живого человека, аппетит куда-то пропадает.

– Спасибо, но я правда не хочу. И вообще я пойду домой.

– Сейчас? Вперед батюшки не положено! Что он про нас

подумает?

Бабушка почему-то считала, что батюшку заботят другие люди. Если он и думал про нас, то только потому, что мы избавили его от нужды думать о том, где достать обед. Батюшка выпил водки, съел щи, попросил добавки, выпил компот, потом опять поднял рюмку, потом принялся за картошку с мясной подливой, потом взял пирог и попросил чай. Но бабушке было все равно. Бабушка была уверена – батюшка, может быть, и увлечен едой, но нет-нет, да и поглядывает за происходящим, все запоминает и потом на планерке с Господом припомнит неподобающее поведение в семье Ореховых.

Бабушка вообще очень серьезно готовилась к главному свиданию в своей жизни. Это то, которое с Богом. Сначала она его всеми силами избегала и ходила на встречи со всякими фокусниками и обманщиками: Кашпировским, урино-терапевтом и продавцом массажных целительных кроватей. Сейчас жизнь бабушки стала праведной, и в ней она делала все с особым усердием. Могла, например, простоять всю ночь на службе в храме, а потом прийти домой и упасть без сил. Бабушке было невозможно объяснить, что не обязательно так мучить себя, чтобы заслужить спасение. Но где счастливая жизнь без страданий, а где бабушка? Бабушки только для этого и рождены – если не отвечать за грехи своих родственников, то искупать их. Кажется, бабушка искупала грехи за всю нашу семью. И еще один, когда я встала из-за

стола раньше, чем батюшка покинет поминки, брать на себя не хотела.

– Я, правда, пойду.

– Ц-ц-ц, – слова у бабушки кончились, остались только буквы. Она всегда так делала, когда хотела ругаться, но обстоятельства не позволяли.

– Не ругайся, я зайду к тебе в четверг.

– В четверг не приходи, я в баню пойду.

– Созвонимся.

Я встала из-за стола, бабушка на всякий случай опять сказала «Ц-ц-ц», потом вернулась к батюшке, чтобы отвлечь его своим вопросом.

– А если второе пришествие наступит тогда, когда Иисус придет на землю и всем будет рай, почему он не приходит скоро?

– Господь не приходит сейчас, потому что хочет, чтобы как можно больше грешников спаслись! Сгорят они все в аду во второе пришествие, – ответил батюшка причмокивая. – Девчата, может, чая? – батюшка подмигнул бабушке и протянул стакан.

Я подошла к гардеробу, взяла пальто и начала вытаскивать из его рукава шапку и шарф. В этот момент бабка, которая сидела на противоположном от бабушки краю стола, заметила меня и резко вскочила с причитаниями: «Ой, что ж то делается, Га-а-а-ля! Кто же ее такую у вас воспитал? Стой, куда собралась?!» начала перелезать через скамейку. Когда одна

нога уже стояла на полу, а вторая только планировала к ней присоединиться, бабка взяла и поехала. Жижя, которую перестала вытирать уборщица, превратилась в лужу, а плитка под ней в каток. Бабкин сапог, который та зачем-то обернула в бахилу, уехал вперед, а сама бабка сначала завалилась на скамейку, потом перекадилась на ней и шлепнулась на пол. «Господи! – прокричала бабка, лежа на полу. – Из-за вас, грешников, мне покоя нет!». А потом закрыла глаза и как будто бы померла.

Григорий Черномордик.

Мой Лиссабон

Я летел в самолете по маршруту Москва – Берлин, Берлин – Лиссабон. Билеты были куплены в последний день, и поездка обещала приключения. Сосед по креслу – немец – поглядывал на обложку моей книжки: Адольф Лоос «Почему мужчина должен быть хорошо одет». Название на немецком явно привлекало его. Мы разболтались – и я узнал, что он часто приезжает по работе в Москву. Он рассказывал про время падения берлинской стены и как тогда переживал за будущее. Бюджет Германии и ограничения в атомной энергетике явно тревожили его. Я посоветовал ему пару классных мест в Москве и взял его визитку – люблю это ощущение, что мир маленький, а все люди приятели.

В аэропорту Лиссабона долго не мог найти водителя такси. Наконец: «Sorry, are you Valentino?» И в ответ недовольное: «Valentino, Valentino...», и вот я уже в Португалии, несусь в столицу по хорошим дорогам. Как здесь все выглядит по-другому, совсем новая для меня часть Европы – жаркая и свободная.

Хостел оказался ужасной дырой. Я закинул вещи в тесный и душный номер, на верхнюю полку, и бросился на улицы. В два ночи по Rua da Rosa ходили толпы людей, в барах сидели

португальцы и выпивали, крича и жестикулируя. Две красивые девчонки страстно целовались на мотоцикле. Я стоял на перекрестке и думал, как мне повезло оказаться в этом городе, бурлящем жизнью. Одно пиво, и я уже болтаю с ребятами – скейтерами, рассказываю им про Москву и чего жду от серфинга. Они удивляются, что я приехал так издалека – но простите, в моих краях нет океана под боком.

Всю ночь француз кошмарно храпел в комнате, и я проснулся совсем разбитый. Пришлось переехать в другой номер, и наконец можно гулять по городу. Я зашел в книжный магазин и купил сборник португальских стихов – с французским переводом, очень созвучным с португальским оригиналом. Камюэнс, Пессоа, Верде – что вы расскажите мне о Лиссабоне? Они говорят о морских открытиях португальцев, своей несчастной любви и старых временах в этих переулках и бесконечных лестницах. Я никого не знаю тут, но так хочется поболтать с кем-то, кто живет здесь. Так я познакомился с Фелипе – благодаря московской подруге, любезно связавшей нас. Мы обедаем в небольшом баре и пьем пиво. Он из Бразилии, но решил переехать в Португалию, поскольку язык и культура очень похожи. Фелипе фотографирует и занимается музыкой – у них своя группа с друзьями. Вот это жизнь! Он предложил мне устроить фотосессию и пофотографировал меня на фоне солнечного города, трамвайных спусков и разноцветных домов. Думаю, как иностранец, он отлично знает, как чувствует себя турист один в но-

вом городе. Спасибо ему за компанию. Любезно предложив мне взять его скейт, Фелипе попрощался со мной – до скорого!

На площади Коммерции статуя Жозе I, который стоит спиной к арке в город и смотрит на океан. В 1755 году Лиссабон был почти полностью уничтожен землетрясением. Какой наш мир хрупкий и уязвимый! Я еще не бывал на набережной в городе прямо у кромки океана – удивительно. Оттуда на доске Фелипе я еду к музею архитектуры и технологий, созданному вместо старой электростанции. Изогнутые белые стены у воды – моим друзьям архитекторам бы точно понравилось здесь. И затем наконец первый раз добрался до пляжа – вода ледяная, только забежать и выскочить из-под волны. Я лежу на песке у Атлантики. Просто чувствую, что я жив и все могу.

Серфинг в Эрисейре был замечательный: сон, завтрак, серфинг, обед, серфинг, вечер и сон. Это моя формула, как заново полюбить жизнь. Дом с видом на океан, и каким – на все сто восемьдесят градусов ты видишь только воду! Кажется, что на горизонте в розовый закат видно изгиб планеты, или так не бывает? Португальские тренеры очень расслабленные – Жозе, Жоао, – все они смеются над моими вопросами про теорию и говорят просто чувствовать волны. «Нужно просто серфить – и все получится!» Я так и делаю и пропадаю в гигантских волнах, растворяюсь в небе и скалах. Я лежу на доске и мерно покачиваюсь, дышу, смотрю в воду.

А набравшись сил, гребу что есть мочи к берегу, пытаюсь вскочить и удержаться.

Эрисейра – маленький туристический городок севернее Лиссабона. Сбежав с ужина от моей русской группы, я потерялся в маленьких улочках и попал в бар с выходом на крышу. Там сидели две девчонки-немки, и я нагло подсел и навязал им свое общество. Они говорили про Берлин, как там свободно и хорошо. Я взял себе поесть и выпить, и они вскоре ушли – но мне было все равно. Отдых быстро пронесся – надеюсь, я еще вернусь в этот дом и городок.

Поездка подходит к концу – мой последний день в Лиссабоне перед вылетом. Хватит с меня плохих хостелов – теперь я в отличном месте на самом юге Rua das Flores. «Is it „Lost Inn Lisbon“? – No, it is Lost in Prague!» – шутит надо мной парень на ресепшен. Прекрасная комната, вид мечты из окна и соседка из Англии, улыбчивая и разговорчивая блондинка. Сегодня мой последний день, и я хочу насладиться городом и запомнить его. Мы списались в приложении с художницей из Литвы – будем гулять вечером, а сейчас я в музей кино – посмотрю пока там что-нибудь.

В музее оказался фестиваль квир-фильмов, и я стоял в очереди из разноцветно одетых мужчин и читал описания. Потом подумал, что лучше просто посмотрю музей, эротические фильмы про однополую любовь в другой раз. В книжном магазине продавец разговорился со мной и посоветовал пару клубов. Он спросил меня про молодое русское кино.

Пришлось посоветовать ему Балагова: смотреть – мало приятного, зато талантливо. Наконец мне пора на встречу с художницей. Телефон, как назло, сел в самый неподходящий момент. Я поймал такси рукой, чудом запомнил адрес, и нашлось пару монет в кармане на оплату поездки. Как в те времена, когда смартфонов не было, – классно, что старые методы еще работают.

Когда я подъехал, Гамта уже стояла на месте и ждала. Это было чудо, что я почти вовремя – мы бы легко могли никогда не встретиться. Но иногда все держится на таких чудесах. Мы гуляли вдвоем по городу и болтали. Она рисует и пишет стихи, а сейчас гостит у сестры в Португалии. Зарабатывать творчеством непросто, но обычно художники самые прекрасные люди. Мы выпили пива и пошли гулять до Speak Easy бара. Она из Литвы, а значит, мы оба с востока здесь. Как здорово, что весь мир состоит из кучи разных маленьких мирков со своими языками и культурами – русский и литовский пересеклись. Гамта пила со мной коктейль, кажется, мой назывался fancy boy. Когда мы вышли из бара, она вдруг почему-то обняла меня, а я понял, что могу поцеловать ее в губы. Мы взяли вина и пошли на набережную к океану. Было тихо и приятно шумела вода. Давно не чувствовал себя так спокойно и легко, как в тот южный осенний вечер. Я проводил Гамту домой и пошел к себе абсолютно счастливый, мысленно уже прощаясь с городом. Я чувствовал себя живым и радостным, будто город пропитал меня своей энер-

гией, и во мне всегда теперь есть немного Лиссабона. Даже сейчас я могу закрыть глаза – и снова сижу там на набережной.

Татьяна Башлакова.

Потом считаешь, малыш

Летом границы были еще закрыты, а уехать от обыденности хотелось. Европейский экспириенс я решил поискать в Выборге. Друзья отговаривали, мол, это ужасная глупость, Выборг это рухлядь, фантом и может зайти разве что дизайнерам и прочим эстетам. Я поехал один. Последняя моя девушка, по слухам, уже отыскала жениха, а я впервые был рад угождать только себе.

Последний день. Мама гладит меня по щеке и шепчет: «Малыш, просыпайся, пора идти». Я такой сонный, что даже не обнимаю её, хотя не видел с неделю. Она велит быстро собирать вещи. Всё, что я хватаю, я кладу в рюкзак. Мама садится на корточки передо мной и протягивает маленькую зеленую книгу с золотыми буквами: «Это моя любимая книга. Возьми, а то потеряется. Потом считаешь, малыш».

Раньше я в Выборге не был и, если бы не коронавирус, вряд ли бы заехал. «Иду красивый, тридцатидвухлетний», а тут такая разруха. И этот Ленин еще дурацкий прямо у вокзала. Жителям как будто наплевать на город. Старые современные здания прямо в центре почти разрушились и никого это не волнует. Сюда бы Собянина.

Да-да, я знаю эту историю. Что в период войны население

трижды подчистую менялось. Но все же, сколько лет прошло? Может, хватит городу оставаться призраком? «Мерзость запустения», как любила говорить моя бабушка. Она входила ко мне в комнату без стука. Я боялся ее тогда до усрачки, отрывался от своих занятий, и всё тело у меня дубело, напрягалось. Ее кислый запах будто отрезал мне пути к отступлению. Тот факт, что она каждый день съедала по целой луковице с солью, держа ее как яблоко, теплоты ей не прибавлял. Так что, открывая рот, она мою волю подавляла окончательно. «Дружки эти твои об одном только думают. Коля вон с какой-то шалавой вчера прямо под окнами обжигался. Прости господи. И порнуху, небось, глядит целыми ночами. Тьфу! Мерзость запустения». Когда она уходила, я расслаблялся и первым делом открывал окно.

Она вычитала о «мерзости запустения» в Библии. Я в библейский смысл фразы не вдумывался ни тогда, в двенадцать лет, ни позже. Но видя заброшки в историческом центре и облезлые фасады, я полагал, что это как раз оно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.